

УДК 572:392.85 (571.651) + 364.12

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-137-143

ЯРЗУТКИНА Анастасия Алексеевна
Чукотский филиал Северо-Восточного феде-
рального университета имени М.К. Аммосова
г. Анадырь, Россия
jarzut@mail.ru

Anastasia A. YARZUTKINA
Chukotka Branch of the North-Eastern Federal
University of M.K. Ammosov
Anadyr, Russia
jarzut@mail.ru

**ПРИЮТЫ, РЕЙДЫ, ДЕСАНТЫ: ПРАКТИКИ
СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ С
АЛКОГОЛЕМ В ЧУКОТСКИХ СЕЛАХ.
СТРАТЕГИИ МИНИМИЗАЦИИ ПРОБЛЕМЫ**

**SHELTERS, RAIDS, INVASIONS: PRACTICE OF
INHABITANTS COEXISTENCE WITH ALCOHOL IN
CHUKOTKA VILLAGE SETTLEMENTS.
STRATEGIES FOR PROBLEM MINIMIZATION**

В данной статье на примере ряда сельских поселений Чукотки исследуется вопрос о том, каким образом люди в небольших сообществах приспособились к присутствию алкоголя в их жизни, а также рассматривается жизнь населения национальных сел через призму присутствия в их повседневной жизни алкоголя. Актуальность выбранной темы обуславливается целым рядом факторов, в том числе: необходимостью более глубокого изучения влияния на человека продуктов прогресса (алкоголя), которые проникли даже в самые отдаленные и труднодоступные поселения; важностью исследования влияния алкоголя на жизнь различных коренных сообществ (и, в частности, на жителей Крайнего Севера) и их культурный облик; недостаточной научной разработанностью данного вопроса и т.д. Цель статьи - рассмотрение алкоголя не просто как элемента материальной культуры, а как составляющей части сети действий, включенной в социальные взаимодействия, а также как один из «актантов», обладающих материальными, символическими, смысловыми характеристиками и способностью модифицировать деятельность человека. На основе проведенного анализа утверждается, что в современном микросообществе алкоголь является одним из катализаторов, который раскрывает гендерные роли и показывает статус мужчин и женщин. Несмотря на остроту проблемы алкоголизма среди коренного населения Чукотки, в микросообществе села ограничения на употребление спиртного налагаются только на женщин, имеющих детей. Если же женщина детей не имеет, то ее статус приближается к статусу мужчины, которого общество открыто не осуждает за употребление алкоголя. В случае же если женщина, имеющая детей, «запила», она на время лишается своих детей и, тем самым, своего статуса женщины.

This article, on the example of a number of rural settlements in Chukotka, explores how people in small communities have adapted to the presence of alcohol in their lives, and also considers the life of the population of national villages through the prism of the presence of alcohol in their daily lives. The relevance of the chosen topic is determined by a number of factors, including: the need for a deeper study of the impact on people of products of progress (alcohol) that penetrated even the most remote and hard-to-reach settlements; the importance of studying the influence of alcohol on the life of various indigenous communities (and, in particular, on the inhabitants of the Far North) and their cultural appearance; and insufficient scientific elaboration of this issue, etc. The purpose of the article is to consider alcohol not just as an element of material culture, but as a component of the network of actions included in social interactions, and also as one of the «actants» with material, symbolic, semantic characteristics and the ability to modify human activities. Based on the analysis, the author claims that alcohol is one of the catalysts in the modern micro society, which reveals gender roles and shows the status of men and women. Despite the severity of the problem of alcoholism among the indigenous population of Chukotka, restrictions on alcohol consumption are imposed only on women with children in the village micro-community. If a woman does not have children, her status approaches the status of a man whom society does not openly condemn for drinking alcohol. In the case of a woman who has children «washed down», she loses her children for a time and, thereby, her status as a woman.

Ключевые слова: культурная антропология, социальность алкоголя, локальность и повседневность, алкогольная зависимость, сельские приюты, рейды и десанты, современное микросообщество, чукотское население, народы Чукотки, моральные ценности, гендерные роли

Keywords: cultural anthropology, sociality of alcohol, locality and everyday life, alcohol addiction, rural shelters, raids and landings, modern microcommunity, Chukchi population, peoples of Chukotka, moral values, gender roles

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Алкоголь в микросоциуме чукотского села: этнографическое исследование этнокультурных, социальных и экономических взаимодействий», № 15-31-01272

Acknowledgement. The study was performed with financial support RFBR, research project "Alcohol in microsocium the Chukotka village: an ethnographic study of ethnocultural, social and economic interactions," No. 15-31-01272

В эпоху глобализации большинство культур интегрировались в мировую капиталистическую систему. Важнейшим двигателем такой интеграции оказались материальные объекты - продукты прогресса, которые проникли даже в самые отдаленные и труднодоступные поселения.

Спор о пользе или вреде такого проникновения может быть бесконечным, однако стоит признать, что в настоящее время «продукты цивилизации» включились в жизнь коренных сообществ и повлияли на изменение их культурного облика. Для Крайнего Севера среди множества знаковых атрибутов современной жизни можно назвать алкоголь. Этот «нетрадиционный» для коренных народов Северо-Востока России напиток относительно недавно, с середины XIX в., стал доступен для приобретения местными жителями. С тех пор он постепенно входил в повседневную жизнь северных народов и в настоящее время стал ее неотъемлемой частью.

В данной статье на примере ряда сельских поселений Чукотки исследуется вопрос о том, каким образом люди в небольших сообществах приспособились к присутствию алкоголя в их жизни, и дается взгляд на жизнь населения национальных сел через призму присутствия в их повседневной жизни алкоголя.

Теоретические рамки исследования можно обозначить тремя основными позициями: социальность алкоголя, локальность и повседневность. *Локальность* как подход и как метод подразумевает обращение к конкретным селам и сельским микросообществам и их детальное внутреннее изучение [1; 2; 3]. Каждое микросообщество имеет свою собственную локальную культуру, приспособленную к условиям окружающего микроландшафта и социального, экономического, национального микропространства села. Учитывая изолированность сел Чукотки, сложную транспортную схему, эта культура хоть и трансформировалась, но происходило это в рамках культуры сельского социума. Нельзя также не учитывать личностных связей, существующих в рамках отдельного села, и того факта, что с момента создания поселений прошло более 60 лет, соответственно, для всех информантов старше 50 лет культурный фон соответствует территориальной идентичности [4].

Также локальность подразумевает отход от типичности и усредненности [5, с. 47]. Взаимоотношения, главным фигурантом которых выступает алкоголь, различаются в каждом отдельном селе, так как различается контекст этих взаимодействий, создаваемый общностью и устойчивостью смыслов, понятных и практикуемых только его жителями. Эти различия могут зависеть, например, от национального состава населения, соотношения количества «коренных» и «приезжих», численности населения, личности главы села.

Теоретическая рамка «повседневность» подразумевает способ описания и восприятие этнографической реальности [6; 7; 8]. Повседневные практики - это зеркала, которые отражают адаптацию культуры к изменениям и к различным внешним воздействиям.

Взаимодействие понимается нами как процесс обмена значениями и процесс реализации не только физического, но и духовного контакта, при котором каждый человек неосознанно пользуется своими методами осмысления процесса взаимодействия и механизмами социальной коммуникации [7]. В процессе полевой работы и изучения повседневного опыта людей автор данной статьи пыталась понять контекст ситуации через фиксацию биографий информантов, их представлений о мире, их чувств, особенности быта и отношений с родственниками. Также учитывались самые разные трансляции культурных презентаций и проявлений социальных взаимодействий. Например, невербальные коммуникации, эмоции, диалоги, игнорирования и др.

Алкоголь является центральным объектом данного исследования, при этом он рассматривается не просто как элемент материальной культуры, но и как составляющая часть сети действий, включенная в социальные взаимодействия [9]. Это позволило отойти от проблемно-ориентированного подхода, при котором акцент делается на исследовании проблем алкоголизма, а изложение фактического материала часто смешивается с моральными суждениями о последствиях употребления спиртного. Работы Б. Латура, И. Копытоффа, Р. Харре, К. Кнорр-Цетиной, Г. Зиммеля, И. Гофмана сделали возможным «социологическое исследование вещи - изучение ее культурной биографии, нарративной артикуляции или обиходного использования» [10, с. 20]. Алкоголь представляется одним из «актантов», обладающих материальными, символическими, смысловыми характеристиками и способностью модифицировать деятельность человека. В конкретно выбранном обществе он в большей степени, чем многие другие неодушевленные сущности, влияет на взаимодействия.

В современном чукотском селе напитки, содержащие этиловый спирт, относительно доступны и известны, а все действующие общероссийские правовые ограничения не препятствуют их употреблению. Житель чукотского села, даже в случае, если он трезвенник, сталкивается с алкоголем, последствиями его употребления односельчанами, алкогольными дискурсами. Алкоголь внедрился в повседневную жизнь. Это включение вызвало реакцию социума, выразившуюся в адаптации к его присутствию.

Приют

Почти в каждом сельском поселении Чукотки существует приют. Он может размещаться в школе-интернате, при дошкольном учреждении или в отдельном помещении. Как социальное яв-

ление сельский приют возник в качестве ответа на последствия употребления жителями сел, имеющих детей, алкоголя. В период запоя, когда родители не могут ухаживать за своими детьми, воспитатели, учителя или глава сельской администрации забирают ребенка из семьи и передают в приют.

Сейчас школы-интернаты работают в районных центрах и крупных селах. На время обучения туда съезжаются дети из более мелких сел и оленеводческих стойбищ. При школе-интернате предусмотрен приют - место для временного проживания детей и подростков, имеющих родителей в этом селе (их называют «группы временного пребывания»). Официально ребенка оформляют как «попавшего в трудную жизненную ситуацию», и фактически он на несколько дней переходит на попечение государства. Таким образом, приют становится временным домом, в котором дети ограждаются от алкогольной повседневности.

В небольших отдаленных селах также существуют приюты. В селе Агвык раньше приют располагался в здании малосемейного общежития, а в настоящее время - в школе. По данным протокола Совета старейшин этого села, дети пьющих родителей проживают там до двух недель [11]. В селе Койнын приют размещен в свободной квартире двухэтажного дома, которая иногда также используется в качестве временного размещения приезжающих специалистов. Для ухода за детьми в период пребывания в приюте одна из сельских организаций оплачивает работу воспитателю.

«Положено детей из других сел в этих ситуациях [при запое родителей] увозить в район, в школу-интернат. Хотя бы из Койнына. Там дорога есть... Но зачем ребенка таскать в район? Там может на день, на два, может быстро пропьется [мать]. Потом обратно. И если ночью, например, остался ребенок. Как его увезти. А в районе еще могут разбираться начать... Тут ребенок со своими нет, ну в смысле, как там по бумагам» [12].

В селе Ыннэн, в котором мне удалось прожить шесть месяцев, я присутствовала при создании приюта. После стабилизации финансирования образовательной и социальной сфер в Чукотском регионе школа постепенно становится центром села. И если в советское время ключевой фигурой в сельской жизни был председатель совхоза, то с начала 2000-х лидерство разделили глава администрации и директор школы. Ввиду этого решение многих социальных проблем села, а также поддержка общественных инициатив стали замыкаться на руководителе школы. Первоначально приюты являлись общественной инициативой и не финансировались за счет государственных средств. *«Ну, мы думали, вот куда его [ребенка]? Идет весь грязный, голодный, понятно, что. И опять, эта [показывает жестом, что запила]. И таких много. Ну, приведем мы его в школу, и что? Там или учатся, или выходной. Кто за ним следить будет? Жалко... Директор [школы] была, Глава наш..., Галина Федоровна [врач], акэмэнээс, еще кто-то, не помню. Договорились, что школа комнату выделит, ну, там такая, для приезжих раньше была. Там сторож в школе. Больница кровать даст. Там белье какое-нибудь старенькое, еще. Ну, каждый что-то. Так договорились... И вот ребенка туда. И он сидит. Убежали, конечно, но зато в тепле и со [школьной] столовой всегда покушать остается... а мать, что? Пьет. Ей и все равно» [13].*

Вариантом временного приюта является помещение ребенка на время запоя в приемную семью или к родственникам. Автор статьи наблюдала ситуацию, при которой к Главе села пришла женщина и стала жаловаться на свою племянницу по мужу. Та, по ее словам, уезжает на несколько дней в районный центр, чтобы употреблять спиртное, а дети в это время остаются одни. Женщине приходится их брать к себе и кормить. По ее словам, такая ситуация повторялась уже четыре-пять раз, и она просила Главу села повлиять на племянницу. *«Они, конечно, мои родственники, мне не жалко еды и так, пусть бы были у меня. Но это уже сколько раз повторяется! Это неправильно. Это же ее дети» [14].*

В Чукотском АО имеется ГКУ СО «Чукотский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних», куда направляются и где проживают дети-сироты со всего региона. В отличие от этого социального института сельский приют - это попытка микросообщества села справиться с последствиями употребления его членами алкоголя. С одной стороны, ребенок не может оставаться в семье из-за пьянства родителей, с другой - местные социальные службы, состоящие из тех же сельчан и зачастую родственников пьющих родителей, не торопятся лишать их родительских прав и отправлять ребенка из села в город. Ответственность за «временных сирот» в это время переходит к сельскому сообществу. В результате сообщество получает право порицать пьющих родителей, накладывать на них какие-то ограничения, наказывать.

Д. Левинсон и Е. Галлахер, изучая приюты для психиатрических больных, увидели в них нечто промежуточное между тюрьмой и общежитием при колледже. Пациент может быть помещен в приют насильно и оказаться заключенным, а может попасть туда добровольно, как студент колледжа [15, с. 23-33]. Если рассматривать сельский приют в подобном ракурсе, то его положение тоже можно назвать промежуточным. Некоторые дети сами приходят в приют, когда их родители начинают употреблять спиртное, других приводят туда. Основание деятельности приюта - это факт

начала употребления родителями спиртного. Находясь в приюте, дети пьющих родителей существуют в промежуточной ситуации: с одной стороны, у них сохраняется семья, дом, родители, с другой - их повседневность сменяется на «казенную».

Сельские приюты на Чукотке - это способ адаптации сообщества к последствиям присутствия алкоголя и влияния его на семейные традиции и повседневность. Также сельские приюты - пример того, как алкоголь нарушает приватность семьи. Семья становится публичной - ее проблемы обсуждаются членами микросообщества, а общественность села берет на себя функции родителей.

Рейды

В селах существует такая практика, как «рейды» по пьющим семьям. *«Мы рейды делаем. Собирается человек 7-8. Глава, милиционер, от Ассоциации человек, потому что он активист. Обязательно - директор школы. Потому что дети. Обязательно врач. И от детского сада. Кто там. И еще пару активистов разных. И пошли. Сигналы уже есть. Со школы или соседи»* [16]. Или: *«...Дети, первый сигнал - перестают ходить в школу или детский сад или приходят грязные, невытые. Ну и информация по селу, что запили. И все, пошли проверять. Прямо по домам, заходят, никто никого не спрашивает - можно ли... С нами милиция. Где дети? Где готовят еду, где отдыхают, где делают уроки? Холодильник открывают, сарай, кладовку. Проверка полная... Приходит рейд, если [мать] пьяная - пропесочивают ее. Прямо она сидит пьяная, головой болтает, а ей все выговаривают - что ты пьешь? Дети у тебя! Голодные, не кормленные. Она в ответ мычит что-то. И итог, что бросай пить, иначе лишат тебя родительских прав, а детей в детский дом отдадут. Только методы угроз. Моральное давление... Иногда приходишь, в доме чисто, печка топится, еда, ребенок сидит уроки делает. Но мать сидит, видно, что с похмелья. Все проверили, все нормально, но ей сказали еще раз. Это организует их. Раз в месяц рейд - это обязательно. А так, по сигналу - если кто скажет, что запили»* [17].

В некоторых селах рейды проводятся и в семьи, где нет детей. Это редкая практика. Поводом для рейда служит санитарная проверка состояния дома или сигнал о незаконной продаже в этом доме спиртного, или жалобы соседей на нарушение общественного порядка. Основная же причина - моральное давление на пьющего со стороны общественности.

Еще одним вариантом воздействия микросоциума на злоупотребляющих спиртным является публичное общественное осуждение. Выпивающих женщин приглашают в администрацию либо на заседание Совета старейшин и проводят беседу, в ходе которой, по словам одного из информантов, *«всячески их стыдят и морально угнетают»*. Похожие практики существовали в селах в 80-е годы, когда в советском государстве повсеместно при местных административных органах создавались комиссии по борьбе с пьянством. В это время проблемы, связанные с употреблением алкоголя, вышли на новый уровень - они начали публично обсуждаться и стали одним из аспектов работы сельских исполкомов. Исполкомы ставили перед общественными формированиями задачи и обсуждали их исполнение. В частности, посещение «трудных» семей являлось функцией добровольной народной дружины.

Вопросы злоупотребления алкоголем отдельными сельчанами выносились на товарищеский суд. Например, согласно протоколу сельского схода жителей села Агвык, наиболее серьезное дело, рассматриваемое на товарищеском суде в 1985 г., было о злоупотреблении алкоголем несколькими сельчанами. В ряде сел автором статьи зафиксированы дополнительные стратегии пресечения пьянства среди родителей. Вне учебной программы учителя в школе проводят среди школьников урок, на котором дети пишут сочинения о том, как им живется дома или о чем они мечтают. Затем перед праздниками классные руководители собирают родительские собрания и зачитывают родителям сочинения детей.

Во всех культурах употребление алкоголя окружено неформальными нормами и правилами, касающимися того, кто может пить, сколько пить, что, когда, как, в каком контексте и т.д. Несмотря на то, что в разных культурах эти правила различаются, кросс-культурное исследование Оксфордского научно-исследовательского центра социальных проблем показало, что существует сходство - некие универсальные ограничения. К ним относятся запрет употребления спиртного в одиночку; общение как ключевая цель употребления алкоголя; социальный контроль потребления и поведения после потребления спиртного и ограничения на употребление алкоголя женщинами. Эти неофициальные правила зачастую работают намного эффективней узаконенных норм и правового контроля [18]. В вопросе ограничения на употребление спиртного женщинами в настоящее время нет единого мнения. Часть исследователей объясняют это правило исключительно культурными особенностями. Другая часть склонилась к тому, что распространенность таких ограничений может быть связана с внекультурными факторами, такими как различия в мужской и женской физиологии при формировании зависимости от алкоголя и воздействии спиртного на репродуктивную систему женщины.

Паула Хаас указала на очень противоречивые моральные ценности, связанные с алкоголем, существующие внутри одного и того же сообщества [19]. В селе, как показал пример с рейдами, сообщество авторитетных в селе людей, которые не имеют проблем с алкоголем, «давит на мораль» пьющих спиртное. В текстах морального осуждения акценты делаются не столько на сам процесс потребления человеком спиртного, сколько на то, что в процессе употребления спиртного человек не выполнил свои обязанности.

Десанты

Еще одной проблемой, связанной с алкоголем, является его завоз. В ряде сельских поселений уже предприняты попытки ограничить время продажи спиртного в магазинах, что не исключает, однако, нелегальную продажу. Большинство сел Чукотки являются труднодоступными, и завоз туда продуктов осуществляется не круглогодично, а только в период навигации или действия зимних дорог. В остальное время самое необходимое завозится авиатранспортом, что достаточно дорого. Соответственно, большая часть алкоголя также поступает в села или на кораблях и баржах, или по автозимникам. Одной из местных практик ограничения ввоза алкоголя в село являются сельские десанты. В одном из протоколов Совета старейшин села Агвык зафиксирована информация о создании и работе такого десанта. Десант состоял из старейшин села и участников группы трезвости, прекративших употреблять спиртное. Они организовали дежурство на берегу моря и досматривали груз с судна «Бей», которое завозило в село уголь. Груз с алкоголем возвращали на судно и пресекали всякие попытки продать его на берегу [20].

В селе Умэкэт десант из сельских жителей - наиболее активных, возглавляемых главой поселения, - встречает корабли, когда они завозят в село уголь или стройматериалы. Участник десанта рассказывал: *«Отдельно встречали корабли-угольщики. Они всегда, кроме угля, спиртное привозят. ... Эти баржи начинают торговать. Мы стояли там и призывали всех, чтобы не торговали. Глава сказала, что будет ходить и выливать [спиртное]»* [21]. В селах Таучин, Умэкэт, Рокыр и Чьэчен, например, за ограничением ввоза и продажи спиртного следит глава сельской администрации. Главы поселений, если узнают информацию о том, что кто-то из жителей везет алкоголь, специально идут и встречают его на подъезде к селу. Разговаривают с этим человеком, призывают уничтожить груз или не торговать, иногда используют методы морального давления.

В данной статье теоретическими рамками автора обусловлено рассмотрение алкоголя буквальным и полноправным элементом общества, «актантом», наравне с людьми вовлеченным в действие и, соответственно, во взаимодействие. Исходя из идеи Б. Латура о том, что вещь может быть антропоморфизирована [22], в описанной ситуации десанта алкоголь можно сравнить с человеком, который нарушил границы и от которого исходит опасность для сообщества. В этом случае сельский десант - это отряд, который выступает на защиту границ села от проникновения материальных объектов. Несомненно, алкоголь не приходит сам, его привозят люди, но в одном случае эти люди - чужаки, и они даже не заходят в село, и десант выдворяет не их, а те материальные объекты, которые они привезли. Во втором - алкоголь привозит гость или житель поселения, и если его пропускают, то спиртное - нет. Ментально или физически (в случае, когда спиртное выливают) алкоголь остается за границами села.

Осознание границ, за пределы которых алкоголь не может быть допущен, касается не только сел, но и Чукотки в целом. Примером может служить ситуация, когда общественные объединения коренных малочисленных народов Чукотки выступили против решения суда о возвращении владельцу крупной партии спирта, который он привез на территорию Чукотки и который был изъят у него [23; 24]. Данное дело имело серьезный общественный резонанс в округе. Общественность была возмущена: несмотря на предпринятые усилия по задержанию, алкоголь проник через границу. Практикуемые в селах Чукотки описанные стратегии минимизации проблем, связанных с алкоголем, позволили вскрыть целый ряд вопросов, интересных антропологии.

Таким образом, в современном микросообществе алкоголь является одним из катализаторов, который раскрывает гендерные роли и показывает статус мужчин и женщин. Несмотря на остроту проблемы алкоголизма среди коренного населения Чукотки, в микросообществе села ограничения на употребление спиртного налагаются только на женщин, имеющих детей. Если же женщина детей не имеет, то ее статус приближается к статусу мужчины, которого общество открыто не осуждает за употребление алкоголя. В случае же если женщина, имеющая детей, «запила», она на время лишается своих детей и, тем самым, своего статуса женщины.

В селах, где большинство населения относят себя к эскимосам, трансляторами норм и правил микросообщества выступают в основном старейшины - наиболее активные представители коренного населения, связанные с территорией села. Они же являются контролерами исполнения этих норм и правил. Их авторитет определяется личными качествами, что было характерно и для традиционного общества эскимосов [25, с. 607]. В смешанных селах (эвены, чукчи, юкагиры, русские) и селах, где преобладает чукотское население, группу «борцов за трезвость» составляли в

основном руководители организаций и учреждений села - русские. В эту группу включался представитель общественного объединения «Ассоциация коренных малочисленных народов Чукотки», вернее включалась его должность. Группа руководителей сельских учреждений обеспечивала причастность коренных народов к управлению и установлению норм. Присутствие представителя от коренных народов морально оправдывало право русских, особенно приезжих, не связанных с территорией села, на стигматизацию пьющих коренных жителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Уайт У.Ф. Общество на уличных перекрестках // История социологии XX век: университетский курс: Хрестоматия / Сост. В.Г. Николаев, Н.Е. Покровский, О.А. Симонова. - М., 2007. - С. 528-540.
2. Embree J. Suye Mura: A Japanese Village. - Chicago: University of Chicago Press, 1939. - 354 p.
3. Lynd R.S., Lynd H.M. Middletown: A Study in Contemporary American Culture. - L.: Constable & Co. Ltd., 1929. - Pp. 21-24.
4. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. - М.: Новое издательство, 2004. - 292 с.
5. Абашин С.Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. - М.: Новое литературное обозрение, 2015. - 848 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995. - 323 с.
7. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. - 2002. - Т. 2. - № 1. - С. 42-70.
8. Шюц А. Структура повседневного мышления / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич // Социологические исследования. - 1988. - № 2. - С. 129-137.
9. Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. - 2005. - Т. 4. - № 1. - С. 94-115.
10. Вахштайн В.С. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. - М.: Территория будущего, 2006. - С. 7-42.
11. Полевые материалы автора (далее - ПМА). Протоколы Совета старейшин - 3, от 13.01.2012, от 23.04.2015.
12. ПМА. Ж-1952, ГСА-1, 05.03.2017.
13. ПМА. Ж-1975, КИИ-2, 12.07.2003.
14. ПМА. Ж-1953, ГНИ-3, 14.07.2015.
15. Levinson D.J., Gallagher E.B. Patienthood in the Mental Hospital. Houghton-Mifflin. - Boston, 1964. - Pp. 17-39.
16. ПМА. Ж-1955, СОА-5, 20.05.2015.
17. ПМА. М-1966, КНИ-1, 12.06.2016.
18. Social and Cultural Aspects of Drinking. A report to the European Commission. March 1998: [Электронный ресурс] // The Social Issues Research Centre Oxford, UK. - URL: http://www.sirc.org/publik/social_drinking.pdf (дата обращения: 08.07.2017).
19. Paula Haas. Contradictory moralities: alcohol consumption in Inner Mongolia // Asian Anthropology. - 2014. - № 13:1. - Pp. 20-35.
20. ПМА. Протокол Совета старейшин - 3, от 23.12.2011.
21. ПМА. М-1962, РВВ-7, 17.08.2017.
22. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Неприкосновенный пас. - 2004. - № 2(34). - С. 5-19.
23. Роман Копин возьмет под личный контроль дальнейший ход действий в сложившейся ситуации с судебным делом о контрафактном спирте: [Электронный ресурс] // Официальный сайт Чукотского автономного округа - URL: чукотка.рф/press_center/news/7548/?prt=yes (дата обращения: 04.04.2017).
24. Коренные жители Чукотки объединили усилия в борьбе с алкоголизмом: [Электронный ресурс] // Официальный сайт Чукотского автономного округа - URL: чукотка.рф/press_center/news/7579/ (дата обращения: 04.04.2017).
25. Народы Северо-Востока Сибири / Отв. ред. Е.П. Батьянова, В.А. Тураев. - М.: Наука, 2010. - 772 с.

REFERENCES

1. Uajjt U.F. Obshhestvo na ulichnyh perekrestkah [Society at street crossroads]. Istorija sociologii XX vek: universitetskij kurs. Hrestomatija = History of sociology XX century: university course. Reader. Compiled by V.G. Nikolaev, N.E. Pokrovskij, O.A. Simonova. M., 2007. P. 528-540. (in Russ.).
2. Embree J. Suye Mura: A Japanese Village. Chicago: University of Chicago Press, 1939. 354 p. (in Eng.).
3. Lynd R. S., Lynd H. M. Middletown: A Study in Contemporary American Culture. L.: Constable & Co. Ltd., 1929. P. 21-24. (in Eng.).

4. Vahtin N.B., Golovko E.V., Shvajtser P. Russkie starozhily Sibiri: Social'nye i simvolicheskie aspekty samosoznaniya [Russian old-timers of Siberia: Social and symbolic aspects of self-awareness]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004. 292 p. (in Russ.).
5. Abashin S.N. Sovetskij kishlak. Mezhdru kolonializmom i modernizaciej [Soviet village. Between colonialism and modernization]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 848 p. (in Russ.).
6. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sociologii znaniya [Социальное конструирование реальности: treatise on the sociology of knowledge]. M.: Medium, 1995. 323 p. (in Russ.).
7. Garfinkel' G. Issledovanie privychnyh osnovaniy povsednevnyh dejstvii [The study of the usual bases of everyday actions]. Sociologicheskoe obozrenie = Sociological Review, 2002. T.2. no.1. P. 42-70. (in Russ.).
8. Shjuc A. Struktura povsednevnogo myshleniya [Structure of everyday thinking]. Translation from English E.D. Rutkevich. Sociologicheskije issledovaniya = Sociological research, 1988. no. 2. P. 129-137. (in Russ.).
9. Vahshtajn V.S. Vozvrashhenie material'nogo. «Prostranstva», «seti», «potoki» v aktorno-setevoj teorii [Return of the material. «Spaces», «networks», «flows» in the actor-network theory]. Sociologicheskoe obozrenie = Sociological Review, 2005. T.4. no.1. P. 94-115. (in Russ.).
10. Vahshtajn V.S. Sociologiya veshhej i «povorot k material'nomu» v social'noj teorii [Sociology of things and the «turn to material» in social theory]. Sociologiya veshhej. Sbornik statej = Sociology of things. Digest of articles. Edited by V. Vahshtajna. M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushhego», 2006. P. 7-42. (in Russ.).
11. Polevye materialy avtora [Field materials of the author]. PMA, Protokoly Soveta starejshin [FMA, Protocols of the Council of Elders]. 3, 13.01.2012, 23.04.2015.
12. PMA, zh-1952, GSA-1, 05.03.2017.
13. PMA, zh-1975, KII-2, 12.07.2003.
14. PMA, zh-1953, GNI-3, 14.07.2015.
15. Levinson D.J., Gallagher E.B. Patienthood in the Mental Hospital. Houghton-Mifflin. Boston, 1964. P. 17-39. (in Eng.).
16. PMA, zh-1955, SOA-5, 20.05.2015.
17. PMA, m-1966, KNI-1, 12.06.2016.
18. Social and Cultural Aspects of Drinking. A report to the European Commission. March 1998. The Social Issues Research Centre Oxford, UK. Available at: URL: http://www.sirc.org/publik/social_drinking.pdf (accessed 08.07.2017).
19. Paula Haas. Contradictory moralities: alcohol consumption in Inner Mongolia. Asian Anthropology, 2014. #13:1. P. 20-35. (in Eng.).
20. PMA, Protokol Soveta starejshin. [FMA, Protocols of the Council of Elders]. 3, 23.12.2011.
21. PMA, m-1962, RVV-7, 17.08.2017.
22. Latur B. Gde nedostajushhaja massa? Sociologiya odnoj dveri [Where is the missing mass? Sociology of one door]. Neprikosnovennyj zapas = Emergency ration, 2004. No.2(34). P. 5-19. (in Russ.).
23. Roman Kopin voz'met pod lichnyj kontrol' dal'nejshij hod dejstvii v slozhivshejsja situacii s sudebnym delom o kontrafaktnom spirte. [Roman Kopin will take under his personal control the further course of action in the current situation with the judicial case of counterfeit alcohol]. Official site of the Chukotka Autonomous Okrug. Available at: URL: chukotka.rf/press_center/news/7548/?prt=yes (accessed 04.04.2017).
24. Korennye zhiteli Chukotki ob'edinili usilija v bor'be s alkogolizmom. [The indigenous inhabitants of Chukotka joined forces in the fight against alcoholism]. Official site of the Chukotka Autonomous Okrug. Available at: URL: chukotka.rf/press_center/news/7579/ (accessed: 04.04.2017).
25. Narody Severo-Vostoka Sibiri. [Peoples of the North-East of Siberia]. Edited by E.P. Bat'janova, V.A. Turaev. M.: Nauka, 2010. 772 p. (in Russ.).

Информация об авторе:

Ярзуткина Анастасия Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, г. Анадырь, Россия
jarzut@mail.ru

Получена: 02.12.2017

Для цитирования: Ярзуткина А.А. Приюты, рейды, десанты: практики сосуществования жителей с алкоголем в чукотских селах. Стратегии минимизации проблемы. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.137-143.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-137-143.

Information about the author:

Anastasia A. Yartzutkina, Candidate of Historical Sciences, Research Scientist, Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University of M.K. Ammosov, Anadyr, Russia
jarzut@mail.ru

Received: 02.12.2017

For citation: Yartzutkina A.A. Shelters, raids, invasions: practice of inhabitants coexistence with alcohol in Chukotka village settlements. Strategies for problem minimization. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part.2. Pp. 137-143.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-137-143. (in Russian)